

Способы защиты гражданских прав предпринимателей при причинении вреда бизнесу в результате уголовного преследования

29.01.2020

СТАТЬИ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Несмотря на заявления властей о необходимости понизить административные и прочие барьеры для бизнеса, давление на бизнес не снижается, если не возрастает. Привычными стали уголовно-правовые методы разрешения гражданско-правовых споров. На слуху случаи

уголовного преследования известных предпринимателей. Андрей Белоусов недавно сделал заявление Владимиру Путину о том, что «к сожалению, так устроено законодательство, что за восемь неудач с бюджетными деньгами можно получить 20 лет суммарно»*. «Абсолютное большинство, 83 % предпринимателей, на которых были возбуждены уголовные дела, полностью или частично потеряли бизнес. То есть их попрессовали, обобрали и отпустили», — заявил Президент в послании Федеральному Собранию в 2015 г. С 2015 г. ситуация не поменялась. В российской судебной практике сложно найти дело, где предприниматель, который подвергся уголовному преследованию и бизнес которого потерпел вследствие этого убытки или вовсе был утрачен, взыскал бы с Российской Федерации крупную сумму ущерба. Почему так складывается ситуация? Об этом размышляет **Максим Коростелев**.

Мнение автора может не совпадать с мнением акционерного общества «Российская венчурная компания»

Во-первых, оправдание или прекращение уголовного преследования по реабилитирующим основаниям вследствие обвинительного уклона российского уголовного процесса встречается довольно редко. Во-вторых, даже если предприниматель оправдан (уголовное дело в отношении него прекращено) по реабилитирующим основаниям, суды зачастую по тем или иным основаниям отказывают во взыскании вреда. Юридическому сообществу известны решения международных или иностранных судов по искам крупных российских предпринимателей против Российской Федерации, основанием которых служит в той или иной степени причинение вреда бизнесу в результате уголовного преследования. Например, таковы решения Постоянного Третейского Суда в Гааге от 18 июля 2014 г. (присуждены убытки в размере 50 млрд долларов США, однако позднее решение было отменено Гаагским окружным судом) и Европейского суда по правам человека (присуждена компенсация 1,86 млрд евро) по искам г-на Ходорковского и других акционеров ОАО

«Нефтяная компания «ЮКОС». Однако необходимо отметить, что в подобных делах, как, например, в вышеуказанном, российским судом уголовное преследование в отношении истцов незаконным не признавалось, соответственно, подобные иски основаны на иных нормах права (как правило, нормах международного права) и ином юридическом составе ответственности, чем те, которые применимы в российских судах и обсуждаются в этой статье.

В практике российских судов последних лет одним из самых крупных по сумме иска было дело ОАО «Афанасий-пиво» (Eastern Union Holding AG), рассмотренное в 2015 г. Около 250 млн рублей пыталась взыскать компания Eastern Union Holding AG за вред, причиненный уголовным преследованием генеральных директоров ОАО «Афанасий-пиво» и ЗАО фирмы «Тверь-пиво». Уголовное дело в отношении них было прекращено в связи с отсутствием в их действиях составов преступлений (реабилитирующее основание). Вред причиненный бизнесу, по мнению истца, выражался в утрате стоимости 23 % акций ОАО «Афанасий-пиво» в результате длительного ареста имущества по уголовному делу и в плате за оказание юридической помощи. Кроме того, иск содержал ряд неимущественных требований: обязать прокурора принести компании официальные извинения и обязать ряд СМИ опубликовать информацию о непричастности компании к описываемым в СМИ противоправным деяниям, а также удалить соответствующую информацию с интернет-сайтов. Центральный районный суд г. Твери, поддержанный Тверским областным судом, полностью отказал в иске, не удовлетворив ни одного из заявленных требований [\[1\]](#).

Ситуация может быть исправлена, если усовершенствовать регулирование последствий незаконного уголовного преследования предпринимателей, т. е. полностью и справедливо возмещать вред, причиненный юридическим лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность, в результате незаконного уголовного преследования лиц, связанных с таким юридическим лицом.

Под «лицами, связанными с юридическим лицом», подразумеваются в данном случае акционеры (участники), а также члены органов управления юридического лица,

подвергающиеся уголовному преследованию, которое, в свою очередь, стало причиной причинения имущественного и иного вреда юридическому лицу. Юридическое лицо само по себе не является субъектом преступления [\[2\]](#), оно не может быть подозреваемым, обвиняемым и подсудимым по уголовному делу и не может быть признано реабилитированным лицом в терминах Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) [\[3\]](#). Все это свидетельствует об особом, косвенном характере вреда, причиняемого юридическому лицу в результате уголовного преследования лиц, с ним связанных. Объект уголовного преследования — конкретное физическое лицо или лица, однако вред причиняется юридическому лицу, акциями (долями) в уставном капитале которых владеет физическое лицо и (или) в органах управления которого данное лицо участвует. Несмотря на то что закон прямо признает право юридических лиц на возмещение вреда, причиненного уголовным преследованием, косвенный характер причиненного вреда зачастую затрудняет доказывание причинно-следственной связи между действиями причинителя вреда (органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда) и причиненным вредом. Чаще всего суды отказывают в удовлетворении требований о возмещении имущественного вреда из-за недоказанности причинно-следственной связи между действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда и причиненным вредом (убытками).

Под «лицами, связанными с юридическим лицом», подразумеваются в данном случае акционеры (участники), а также члены органов управления юридического лица, подвергающиеся уголовному преследованию

Когда речь идет о реабилитации и возмещении вреда, причиненного уголовным преследованием, интересы граждан и правового демократического государства, коим Россия декларируется согласно Конституции, должны в идеале совпадать. Эти интересы должны заключаться в восстановлении положения лица, незаконно подвергнутого

уголовному преследованию, существовавшего до нарушения права [\[4\]](#) (т. е. до уголовного преследования). Однако на практике граждане и юридические лица, имеющие право на возмещение вреда, причиненного уголовным преследованием, выраженное в виде денежного притязания, и государство, обязанное возместить такой вред, имеют противоположные интересы. Государство, имея ограниченный бюджет и весьма значительное количество уголовных дел, не может допустить, чтобы бюджет неограниченно расходовался на выплаты лицам, пострадавшим в результате незаконного уголовного преследования. К тому же, такие выплаты сложно планировать и бюджетировать, поскольку их размер заранее неизвестен. Отражение этого конфликта интересов — текущая судебная практика, которая, с одной стороны, показывает, что в большинстве случаев суды формально признают право на возмещение вреда, причиненного уголовным преследованием, а с другой — процент удовлетворенных исков и размер возмещения по ним показывают, что суды неохотно и осторожно идут на возмещение вреда, причиненного уголовным преследованием.

История вопроса

Впервые в России [\[5\]](#) регулирование возмещения государством вреда, причиненного уголовным преследованием, появилось в 1981 г. [\[6\]](#) с принятием «Положения о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда» (Положение) [\[7\]](#), которое действует до сих пор, но лишь по взаимосвязи с положениями главы 18 УПК РФ, а также с положениями ст. 1070 и § 4 гл. 59 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ).

Положение вместо термина «вред» содержало термин «ущерб», что в настоящее время считается синонимом вреда, и содержало исчерпывающий перечень видов ущерба, который подлежит возмещению (зарплата, пенсия, имущество, конфискованное или обращенное в доход государства судом либо изъятое органами дознания или предварительного следствия, а также имущество, на которое наложен арест, штрафы, взысканные во исполнение приговора суда, судебные издержки, суммы, выплаченные за

оказание юридической помощи). УПК РФ в ст. 135 практически полностью повторяет данный перечень, однако делает его открытым за счет возмещения «иных расходов». ГК РФ вообще не содержит видов возмещаемого вреда, оставляя данный вопрос на усмотрение суда. Вместе с тем, изначально заложенный в законодательстве закрытый перечень видов ущерба надолго сформировал в правосознании судов ограничительный подход к возмещению вреда, причиненного уголовным преследованием.

Порядок возмещения вреда, причиненного уголовным преследованием

Нормы о возмещении вреда, причиненного юридическому лицу в результате уголовного преследования, несмотря на регулирование ими однотипных отношений и представляющих один институт права, разбросаны по материально-правовым (ст. 1070 и § 4 гл. 59 ГК РФ) и процессуально-правовым (гл. 18 УПК РФ) источникам права. В настоящее время законодательство Российской Федерации содержит, по сути, два порядка возмещения вреда, причиненного уголовным преследованием: уголовно-процессуальный и гражданско-процессуальный.

В гражданско-процессуальном порядке, по общему правилу независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда вред возмещается только физическим лицам [\[8\]](#). В случае причинения вреда юридическому лицу без вины причинителя вреда возмещается вред, причиненный юридическому лицу в результате незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного приостановления деятельности [\[9\]](#). В остальных случаях истец должен доказать полный юридический состав ответственности для возмещения вреда, причиненного юридическому лицу в результате уголовного преследования:

- 1)противоправность поведения лица, которое полагается причинителем вреда;
- 2)наличие вреда;
- 3) причинно-следственную связь между противоправным поведением причинителя и

наступившими вредоносными последствиями;

4) вину причинителя вреда.

Изложенное выше распределение случаев, когда ответственность за вред, причиненный юридическому лицу, наступает с виной и без вины органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, не выдерживает критики. Понятно, что административное приостановление деятельности находится в прямой причинно-следственной связи с причиненным бизнесу вредом, и вряд ли можно себе представить что-то более губительное для бизнеса, чем его принудительная блокировка. Однако приостановить деятельность можно не только в административном порядке. Деятельность может быть фактически приостановлена разными средствами, в том числе задействованными в уголовном процессе (например, путем ареста имущества юридического лица или отстранения всех или части членов органов управления юридического лица от управления). Однако законодатель необоснованно сузил виды приостановления, руководствуясь сугубо формальным критерием вместо использования критерия фактического приостановления деятельности.

В уголовно-процессуальном порядке ответственность наступает независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда [\[10\]](#). Вместе с тем исходя из действующей судебной практики в уголовно-процессуальном порядке может быть возмещен только реальный ущерб; упущенная выгода возмещается в порядке гражданского судопроизводства [\[11\]](#).

Суды отказывают в удовлетворении требований о возмещении имущественного вреда из-за недоказанности причинно-следственной связи между действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда и причиненным вредом

Судебная практика

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 г. № 17 «О практике применения судами норм гл. 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» (Постановление Пленума ВС РФ 2011/17) не содержит порядка возмещения вреда юридическим лицам или каких-либо разъяснений на этот счет, несмотря на довольно подробную систематизацию судебной практики по вопросу возмещения вреда, причиненного уголовным преследованием.

Анализ судебной практики по вопросу возмещения вреда, причиненного юридическим лицам в результате уголовного преследования, выявляет ряд проблем как законодательного, так и правоприменительного характера, причем как процессуально-правовых, так и материально-правовых.

Процессуальные вопросы

Гражданский процессуальный кодекс РФ (ГПК РФ) содержит норму о подсудности споров, связанных с возмещением вреда, причиненного уголовным преследованием, гражданам [\[12\]](#). Однако ни ГПК РФ, ни Арбитражный процессуальный кодекс РФ не содержат норм о подсудности споров, если соответствующий вред причинен юридическим лицам.

Судебная практика показывает, что у судов нет четкого понимания, каким судам, арбитражным или судам общей юрисдикции, подсудны дела по рассмотрению исков о возмещении вреда, причиненного юридическим лицам уголовным преследованием. Имеется практика как по рассмотрению таких дел арбитражными судами [\[13\]](#), так и по отказу в рассмотрении в связи с неподсудностью спора [\[14\]](#). При этом в судах общей юрисдикции наблюдается аналогичная практика, когда суды отказывают в принятии заявления на основании того, что оно неподсудно суду общей юрисдикции. Причем такие отказы возникают и в случае, когда заявление было подано в уголовно-процессуальном порядке (со ссылкой на то, что оно не может быть рассмотрено в порядке ст. 399 УПК РФ [\[15\]](#)), и в случае,

когда исковое заявление было подано в гражданско-правовом порядке (со ссылкой на то, что дело должно быть рассмотрено арбитражным судом [\[16\]](#)).

Судебная практика также непоследовательна в части того, кто может быть истцом по делу о возмещении вреда, причиненного юридическому лицу. В одних случаях суды допускают обращение акционера (участника) юридического лица в его интересах. В других случаях суды утверждают, что только единоличный исполнительный орган юридического лица может обращаться в суд с иском в его интересах.

Арест имущества юридического лица

Анализ судебной практики свидетельствует о ненадлежащей защите прав юридических лиц, нарушенных арестом имущества. По вопросу возмещения вреда, причиненного арестом денежных средств, в одном из дел суд сделал следующий вывод.

Если арест на имущество юридического лица был наложен по уголовному делу, по которому был вынесен оправдательный приговор, то само по себе это не свидетельствует о том, что арест был наложен незаконно, и не дает права на возмещение убытков, вызванных наложением ареста: «Между тем приговор суда в отношении [...] выводов о незаконности и необоснованности наложения ареста на имущество общества не содержит» [\[17\]](#). Данный вывод был сделан судом, несмотря на указанный в гл. 18 УПК РФ принцип возмещения вреда без вины.

В другом деле денежные средства общества на банковском счете были арестованы на протяжении 9 лет, начиная с 1997 г. по 2006 г. В результате экономического кризиса 1998 г. денежные средства обесценились. Общество предъявило иск о возмещении имущественного вреда, причиненного арестом денежных средств. Отказывая в возмещении вреда в порядке гл. 18 УПК РФ, суды пришли к выводу, что требования общества фактически призваны компенсировать влияние инфляции на денежные средства, арестованные в ходе предварительного следствия, при этом арестованные денежные средства в сумме 1038 000

руб. сохранены. После этого истец обратился в арбитражный суд [\[18\]](#) с иском о взыскании средств в сумме 46494,25 руб., возникших в связи с уплатой процентов за пользование бюджетной ссудой по реструктурированной задолженности по налогам и страховым платежам. В обоснование своих требований истец ссылался на то, что вследствие ареста денежных средств не мог уплатить начисленные налоги и ему пришлось заключить соглашение о реструктуризации кредиторской задолженности по налогам и страховым взносам. По этому соглашению на задолженность были начислены проценты за пользование бюджетными средствами в соответствии с требованиями федерального законодательства. Суды всех трех инстанций отказали в удовлетворении требований со ссылкой на отсутствие вины следователя, наложившего арест на денежные средства, в причинении убытков и отсутствие причинно-следственной связи между арестом денежных средств и причиненными убытками.

Вместе с тем в аналогичном деле суд взыскал с государства реальный ущерб, вызванный обесцениванием арестованных денежных средств и рассчитанный с учетом действующего индекса инфляции. Реальный ущерб определен судом на основе метода цепного индекса (характеризующего изменение цен в отдельные периоды по сравнению с соседними периодами) с учетом индекса роста потребительских цен по Псковской области, предоставленных Федеральной службой государственной статистики [\[19\]](#).

Противоречия в судебной практике и разница в подходе судов к возмещению вреда, причиненного арестом денежных средств, поднимают еще одну проблему: могут ли быть начислены проценты за пользование чужими денежными средствами на сумму арестованных денежных средств? Напрямую этот вопрос в законодательстве не урегулирован. Представляется разумным, что общие принципы начисления процентов на денежные средства (ст. ст. 317.1, 395 ГК РФ) должны применяться в данном случае вместо иска о возмещении убытков, причиненных инфляцией

В вопросах о возмещении вреда, причиненного арестом иного имущества, суды при рассмотрении дела смотрят на то, какие последствия повлек такой арест для бизнеса. Одно

из крупнейших по сумме иска дел, в котором истец заявлял целый комплекс требований, направленных на восстановление прав юридического лица, нарушенных в результате незаконного уголовного преследования, — дело ОАО «Афанасий пиво» (Eastern Union Holding AG). В данном деле истец заявлял требование, в том числе о взыскании убытков, вызванных арестом акций, а также недвижимого и технологического оборудования. Убытки, по мнению истца, выражались в утрате стоимости 23 % акций ОАО «Афанасий пиво», которые он оценил в размере 248102 183 руб.

Суд решил, что, поскольку арест был наложен на акции юридического лица в виде блокировки и прекращения операций по счету, а также на его недвижимое имущество и технологическое оборудование, касался лишь ограничения распоряжения имуществом, но не ограничивал владение и пользование имуществом, причинно-следственная связь между арестом и возникшими у юридического лица убытками отсутствует. Таким образом, суд отказал в возмещении убытков [\[20\]](#).

С одной стороны, такая позиция суда обоснована, поскольку приостановления деятельности предприятия не было. С другой стороны, ссылки истца на то, что привлечение инвестиций было фактически блокировано (ограничение дополнительной эмиссии акций и невозможность привлечения кредитов под залог недвижимости и оборудования), необоснованно не были приняты судом во внимание. Учитывая длительность ареста имущества в данном деле (9 лет), такое ограничение может привести и зачастую приводит к большим потерям для бизнеса компании. Однако суд не посчитал данное право подлежащим защите.

Неполученные доходы

Иски о взыскании неполученных доходов юридического лица, являющихся упущенной выгодой, с точки зрения гражданского права обычно базируются либо на факте незаконного ареста имущества, который сделал получение таких доходов невозможным, либо в целом на факте незаконного уголовного преследования.

В первом случае суды, как правило, отказывают в удовлетворении требований о взыскании упущенной выгоды (неполученных доходов) вследствие незаконного ареста денежных средств на счете и иного имущества общества (недвижимости, производственного оборудования, транспортных средств). Основаниями для отказа в большинстве случаев служат недоказанная реальность получения таких доходов, их размера и причинно-следственной связи между арестом и неполучением доходов [\[21\]](#).

Во втором случае истцы предъявляют иски о возмещении вреда, заключающегося в неполученных доходах (упущенной выгоде), которые общество, имевшее ежегодную положительную динамику развития, получило бы при обычных условиях хозяйственного оборота без вмешательства правоохранительных органов [\[22\]](#). При этом истцы ссылаются на определенный размер чистой прибыли общества за последний год нормальной деятельности (до вмешательства правоохранительных органов), снизившийся после вмешательства правоохранительных органов. В большинстве случаев такие требования не находят поддержки судов.

Восстановление деловой репутации

Суды зачастую не признают за юридическим лицом, которому причинен вред в результате уголовного преследования, права на восстановление деловой репутации. В вышеупомянутом деле ОАО «Афанасий пиво» истец требовал официальных извинений компании со стороны прокурора за причиненный вред, обязать СМИ опубликовать информацию об опровержении фактов, порочащих деловую репутацию, обязать удалить информацию, порочащую деловую репутацию, с интернет-сайтов. Суд решил, что данные права предоставляются реабилитированному лицу исходя из положений ст. 136 УПК РФ.

Однако юридическое лицо в соответствии с нормами УПК РФ не может признаваться реабилитированным лицом [\[23\]](#). Вместе с тем очевидно, что непризнание за юридическим лицом, пострадавшим в результате уголовного преследования, такого права — явный пробел в законодательстве. Справедливо было бы представлять юридическим лицам права на восстановление доброго имени и деловой репутации по аналогии с предоставляемыми реабилитированным лицам.

Удаление информации с интернет-сайта, если такой интернет-сайт не зарегистрирован в качестве СМИ, вообще не поименовано в ст. 136 УПК РФ в качестве самостоятельного средства восстановления прав, что уже дает судам право отказывать в удовлетворении таких требований.

Заключение

Необходимо отметить, что нормы ГК РФ и УПК РФ о возмещении вреда, причиненного юридическому лицу в результате уголовного преследования, фактически не работают на практике и носят по большей части декларативный характер.

Восстановление положения, существовавшего до нарушения права, должно, на мой взгляд, считаться главным принципом и основным способом защиты прав юридических лиц, пострадавших в результате незаконного уголовного преследования. После уголовного преследования, признанного незаконным, юридическое лицо должно быть поставлено в то же положение, в котором оно было до уголовного преследования. Причем это должно касаться как восстановления имущественного положения, так и деловой репутации и иных неимущественных прав, насколько это возможно.

При этом вышеуказанный принцип вступает в конфликт с аргументами публичного порядка: ограниченностью средств федерального бюджета и множеством социально-экономических проблем в стране, которые требуют бюджетных вливаний. Однако парадокс в том, что несмотря на многочисленные социально-экономические проблемы в стране, которые

требуют бюджетных вливаний в приоритетном порядке, только справедливое возмещение вреда, причиненного бизнесу в результате уголовного преследования, может обеспечить стабильность гражданского оборота. Это, в свою очередь, будет способствовать развитию бизнеса и привлечению иностранных инвестиций в российскую экономику, и, как следствие, пополнению бюджета. С такой точки зрения справедливое возмещение вреда, причиненного бизнесу в результате уголовного преследования, можно рассматривать в качестве «инвестиции» государства в российский бизнес.

Предпринимателям же, попавшим в столь незавидную ситуацию, можно лишь рекомендовать как можно раньше заручиться поддержкой компетентного юриста и готовиться долго и упорно доказывать в суде причинно-следственную связь между незаконным уголовным преследованием и вредом, причиненным бизнесу.

*Белоусов рассказал Путину о риске «получить 20 лет» за инвестиции в стартапы. — <https://www.forbes.ru/newsroom/finansy-i-investicii/383783-belousov-rasskazal-putinu-o-riskepoluchit-20-let-za-investicii>.

[1] Апелляционное постановление Тверского областного суда № 22–2359/20152359/2015 от 7 декабря 2015 г. по делу № 22–2359/2015.

[2] Несмотря на отдельные попытки признать юридическое лицо субъектом преступления, в частности, законопроект, который был внесен в Государственную Думу в 2015 г.: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2015/03/23/zakonoproekt-ob-ugolovnoi-otvetstvennosti-yurlits-vnesenv-gosdumu>.

[3] Часть 2 ст. 133 УПК РФ.

[4] Ст. 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ)

[5] До принятия Положения ответственность возлагалась в этом случае на должностных лиц органов предварительного расследования, прокуратуры или суда.

[6] Толстой А.В. Участники правоотношений по реабилитации на досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Российский судья. — 2007. — № 3. — С. 40.

[7] «Положение о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда», утвержденное Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 г.

[8] Пункт 1 ст. 1070 ГК РФ.

[9] Пункт 1 ст. 1070 ГК РФ.

[10] Часть 1 ст. 133 УПК РФ.

[11] Апелляционное постановление Воронежского областного суда № 22–2162/2017 от 10 октября 2017 г. по делу № 22–2162/2017.

[12] Часть 6 ст. 29 ГПК РФ.

[13] Определение Верховного Суда РФ от 9 ноября 2015 г. № 306-ЭС15–12120 по делу № А12–27323/2014; Определение ВАС РФ от 24 августа 2012 г. № ВАС-10439/12 по делу № А45–13803/2011; Определение ВАС РФ от 11 февраля 2010 г. № ВАС-235/10 по делу № А21–749/2009.

[14] Вопрос 8 Рекомендаций Научно-консультативного совета при ФАС Дальневосточного округа (по итогам работы заседания Совета, проведенного 24–25 января 2013 г. при Федеральном арбитражном суде Дальневосточного округа) (утв. Научно-консультативным советом при Федеральном арбитражном суде Дальневосточного округа 22 марта 2013 г.); Определение Верховного Суда РФ от 18 июля 2019 г. № 305-ЭС19-10469 по делу № А40–161595/2018.

[15] Апелляционное постановление Калужского областного суда № 22К-105/2017 УК-22-105/2017 от 30 января 2017 г. по делу № 22К-105/2017.

[16] Определение Оренбургского областного суда № 33–6293/2014 от 1 октября 2014 г. по делу № 33–6293/2014.

[17] Апелляционное постановление Калужского областного суда № 22К-105/2017 УК-22-105/2017 от 30 января 2017 г. по делу № 22К-105/2017

[18] Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 27 декабря 2010 г. по делу № А46–16469/2008.

[19] Постановление Псковского областного суда № 22К-165/2014 от 5 марта 2014 г. по делу № 22К-165/2014

[20] Апелляционное постановление Тверского областного суда № 22–2359/20152359/2015 от 7 декабря 2015 г. по делу № 22–2359/2015

[21] Постановление Псковского областного суда № 22К-165/2014 от 5 марта 2014 г. по делу № 22К-165/2014; Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 9 июля 2018 г. по делу № А26–8030/2017.

[\[22\]](#) Апелляционное постановление Воронежского областного суда № 22–2162/2017 от 10 октября 2017 г. по делу № 22–2162/2017.

[\[23\]](#) Апелляционное постановление Тверского областного суда № 22–2359/20152359/2015 от 7 декабря 2015 г. по делу № 22–2359/2015.

Максим к. ю. н., главный юрист акционерного общества «Российская
Коростелев венчурная компания»

СТАТЬИ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО